

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 39

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2020-4/33-40

Т.Ю. Сем*

ВЕЩНЫЙ МИР УИЛЬТА САХАЛИНА ПО МАТЕРИАЛАМ ТУНГУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1927–1928 гг.**

Статья посвящена систематизации и семантическому анализу вещевой коллекции уильта, собранной Б.А. Васильевым в ходе Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. на Сахалине. Имеющиеся публикации по данной теме ограничиваются в основном перечислением вещей. Поэтому целью данной статьи является аналитическое исследование вещного мира уильта в свете определения их этнической идентичности. Автор использует герменевтический и семантический подход к проблеме, рассматривая вещи как текст культуры и выявляя их смысловое значение. Особенности ландшафта Сахалина, комплексный характер хозяйства (речное рыболовство, морской промысел, охота и оленеводство), сочетание оседлости и перекочевок – все это лежит в основе этнокультурной идентичности уильта. В данном контексте в статье рассмотрены основные орудия хозяйственной деятельности и связанные с ними утварь, одежда, предметы культа, а также орнаментация предметов и их этнокультурная специфика. Изучение вещей из коллекции Б.А. Васильева показывает разнообразие этнокультурных связей уильта.

Ключевые слова: вещный мир, уильта, Сахалин, идентичность, Российский этнографический музей, Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг.

The material culture of the Ulta of Sakhalin through the items collected by the Tungus expedition of 1927–1928. TATYANA Yu. SEM (Russian Museum of Ethnography)

The article is devoted to the systematization and semantic analysis of the Ulta items collected by B.A. Vasiliev during the Tungus expedition of 1927–1928 on Sakhalin. The previous publications on this topic are mainly devoted to the listing of these items. Therefore, the purpose of this article is to analyze the material culture of the Ulta in the light of their ethnic identity. The author employs hermeneutic and semantic approach to the problem, considering items as a text of culture and identifying their semantic meaning. The features of the Sakhalin landscape, the complex nature of the Ulta economy, the combination of sedentary and migratory periods – all this shapes the Ulta's ethnocultural identity. In this context, the article examines the main tools used in economic activities and related utensils, clothing, religious items, as well as ornamentation

* Сем Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея, докторант Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

E-mail: semturem@mail.ru

© Сем Т.Ю., 2020

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-09-00537А.

of items and their ethnocultural features. The study of the items from Vasiliev's collection shows the diversity of the Ulta's ethnocultural ties.

Keywords: material culture, Ulta, Sakhalin, identity, Russian Museum of Ethnography Tungus expedition of 1927–1928

Проблема изучения вещного мира в культуре различных народов занимает в этнографии одно из ведущих мест. Вещеведение является неотъемлемой частью этнографического музееведения, раскрывающей содержательные смыслы культуры. Важнейшее его направление, позволяющее показать сущность и символику культуры, связано с изучением семантики вещи. Большой вклад в развитие этого направления был сделан известным российским этнологом, главным научным сотрудником Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН А.К. Байбуриным. Он впервые раскрыл семиотический статус вещи в культуре на теоретическом уровне, показал его сущность в ритуале [1, с. 80–93; 2]. Проблемы вещеведения на примере одежды и ритуальных предметов также раскрыты в работах других отечественных исследователей, в том числе сотрудников Российского этнографического музея [9; 10; 15; 16; 17].

Вещь является сюжетообразующим феноменом системы жизнедеятельности человека, направленной на осмысление мира в рукотворной форме. Феномен вещи в культуре предстает как основа мироздания в различных ее проявлениях – хозяйственной деятельности, технике, одежде, утвари, жилище и его интерьере, предметах культа, системе мифологии, ритуальной практике, искусстве.

Проблемой вещеведения уильта ученые занимались попутно, осмысляя различные области культуры этого народа [12; 20; 23]. Лишь в академическом издании «Историко-этнографический атлас народов Сибири» впервые основной акцент был сделан на определенные вещи (одежда, средства передвижения, жилище, бубны) уильта [7]. Публиковались интересные сведения о вещах уильта из коллекций Сахалинского областного краеведческого музея, однако анализ этих предметов проведен не был [19, с. 143–184]. Из зарубежных публикаций следует упомянуть альбом, представляющий предметы быта уильта, с комментариями Дзиро Икегами [28]. Таким образом, специальной работы, посвященной анализу мира вещей уильта, проведено не было. Между тем изучение вещного

мира уильта имеет важное значение для понимания этнической идентичности этого коренного малочисленного народа Севера и связанного с ней менталитета. Изучению идентичности уильта как малочисленного тунгусо-маньчжурского народа Сахалина на примере вещного мира и посвящена настоящая статья. Автор использует герменевтический и семантический подход к проблеме, рассматривая вещи как текст культуры и выявляя их смысловое значение.

Этнокультурная идентичность уильта Сахалина обусловлена природно-климатическими особенностями территории их проживания и культурой (медвежий праздник, своеобразие мифологии, пантеона, орнамента). Важнейшую роль в формировании этнокультурной идентичности и менталитета уильта сыграл ландшафт и связанные с ним особенности ведения хозяйства. Горно-таежный ландшафт острова Сахалин, морские бухты и реки, особенно на севере и восточном побережье острова, были идеально приспособлены для занятия речным рыболовством, морским промыслом и оленеводством. Сочетание этих видов хозяйственной деятельности сформировало неповторимый облик культуры уильта. Особый тип оленеводства, отличный от тунгусского, сформировался и развивался на Сахалине самостоятельно [6, с. 26]. Оленеводство уильта обусловило сезонные кочевья, а оседлость была связана с жизнью по берегам рек и на морском побережье. Сочетание сезонной оседлости и кочевков по острову выработало определенные черты характера уильта: с одной стороны, они – свободолюбивые обитатели местности с суровым климатом, с другой – носители тихого нрава.

Согласно китайским источникам и данным археологии, уильта обитали на острове Сахалин уже в эпоху средневековья в IX–XIII вв., придя с материка. Археологи нашли останки людей в погребении и керамику с характерным орнаментом позднеохотской культуры с чжурчжэньскими элементами [5, с. 157–159; 27, с. 234–235]. К этому типу орнамента относится сочетание полосового, зигзагообразного и восьмеркообразного узоров, типичное для тун-

гусов (эвенков и эвенов) [21, с. 282–302, 427; 22, с. 42–43; 24]. Историческое название уильта в древности, согласно китайскому источнику XV–XVI вв. «Ляодун чжи», было *илию* [29, р. 55]. Этот этноним сопоставим с названием древних *илоу*, предков сушеней, проживавших в I в. до. н.э. – III в. н.э. в Приморье и Приамурье. Исследователи полагают его связь с эвенкийским словом *илэ* («человек»), имеющем параллели в общеалтайском. По мнению Э.В. Шавкунова, этноним *уильта* (ороков-орочонов Сахалина) связан с тунгусами-орочонами Центральной Сибири и Маньчжурии VII в. н.э. *улохоу* [25, с. 49], которых Н.В. Кюнер соотносит с племенами *урианхай* XVIII в., вошедшими в состав восточных эвенков [8, с. 302–305].

В Российском этнографическом музее хранится уникальная этнографическая коллекция предметов уильта Сахалина, собранная сотрудником бывшего Музея народоведения Б.А. Васильевым в ходе Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. Среди них – орудия речного рыболовства, морского зверобойного промысла, охоты и оленеводства, домашняя утварь, одежда, предметы культа, в том числе связанные с медвежьим праздником, промысловые и лечебные амулеты.

Как отмечает Л.И. Миссонова, весной и летом уильта «промышляют рыбу в реках и у их устьев на морском берегу (залив Терпения и восточное побережье острова). Осень и зиму они проводят в лесах гористых местностей и в тундрах более внутренних частей острова, где они промышляют пушного зверя и дичь» [12, с. 145–146]. В рыболовстве особое значение имел ход лососевых, позволяющий заготавливать рыбу впрок. Среди орудий преобладали остроги разного типа – острога с большим крюком на длинной палке, а также уда с соскакивающим наконечником [20, с. 49]. Судя по коллекциям Б.А. Васильева, в рыболовстве уильта также использовалась острога типа трезубца (Российский этнографический музей, далее – РЭМ. Кол. 8761–7991). При подледном лове рыбы важную роль играла приманка в виде деревянной фигурки рыбки, окрашенной в черный цвет (РЭМ. Кол. 8761–7992). Аналогичный способ лова с приманкой был широко распространен у эвенков. При охоте на нерпу использовали гарпун и добивали животное специальной дубинкой с фигурой головы нерпы на одном конце (РЭМ. Кол. 8761–8000).

В начале XX в. для охоты на крупного зверя, пушного зверя и дичь уильта уже использовали

пороховые ружья, которые покупали у русских купцов и японцев. В коллекции имеется костяная мерка для пороха (РЭМ. Кол. 8762–18267), которая была в снаряжении каждого охотника. Также в снаряжении охотника уильта зимой имелись камусные лыжи и лыжные палки (РЭМ. Кол. 8762–18619/1–2, 8761–8021). Кроме того, для охоты на пушного зверя использовали самострелы, состоящие из лука, стрелы, насторожки и курка (РЭМ. Кол. 8761–11430). У уильта широко бытовали копья и пальмы для охоты на крупного зверя – оленя, медведя, но в коллекциях Б.А. Васильева их нет.

Наибольшее внимание при составлении коллекции Б.А. Васильев обратил на оленеводство уильта как этнопоказательный признак культуры этого народа. Оленеводство уильта в начале XX в. было малотабунным и носило транспортный характер. В этот период общее количество ездовых оленей в стаде преимущественно составляло от 10 до 80. Для ухода за оленями сооружали загоны по эвенкийскому типу и делали дымокуры [20, с. 69–71, 75]. Этнической особенностью оленеводства уильта являлось использование оленей под верх и под вьюк, а также в нартяной упряжке. В составе коллекции Б.А. Васильева содержатся следующие предметы упряжи оленеводства: различные уздечки (РЭМ. Кол. 8762–18280, 18281), подпруги (РЭМ. Кол. 8761–8018), ремень для нарты из кожи нерпы (РЭМ. Кол. 8761–8019), два кожаных хомута для оленя для езды на упряжке в нарте. Хомут представляет собой петлю, украшенную разноцветными полосками ситца (РЭМ. Кол. 8762–18282, 18283). Среди предметов оленеводства значительное место в коллекции занимают различные типы оленьих седел и принадлежностей к ним: детское седло, грузовые седла, луки, украшение к лукам, переметные сумы. Детское седло, как и вьючные седла для взрослых (РЭМ. Кол. 8761–11443), имело высокие деревянные луки, украшенные резным орнаментом на черном фоне. В данном случае криволинейный орнамент сочетается со схематическими изображениями мужской и женской фигур, символизирующих бога плодородия и богиню прародительницу. Обычай чернения лук и украшения криволинейным орнаментом также был характерен для оленеводства оленекских эвенков (Полевые материалы автора. 1988. Инф. В.А. Бенчик). Грузовые оленьи седла имели небольшие треугольные костяные луки, также украшенные резным орнаментом.

На одном из них имелся восьмеркообразный резной орнамент, на другом – спиральный в виде парных S-образных фигур, символов богини прародительницы и хозяйки огня (РЭМ. Кол. 8761–114451, 14452) [21, с. 302–307], образ которой восходит к чжурчжэням [26, с. 164]. Известно, что богиня солнечного дерева является у эвенков хозяйкой душ людей и зверей, а ее помощница – богиней огня и домашнего очага [11, с. 12].

В коллекции имеется несколько пар переметных сум твердого и мягкого типа из бересты и дерева с ровдужной и камышной покрышкой, а также мягкие сумы из нерпичьей шкуры. Некоторые были украшены вышивкой в виде пляшущих человечков (РЭМ. Кол. 18617/1–2, 18618, 18258/1–2). Таким образом, материалы коллекции Б.А. Васильева отражают основные особенности комплексной хозяйственной деятельности уильта в начале XX в.

Особое место в коллекции Б.А. Васильева занимает утварь и одежда уильта, предметы культа, в том числе связанные с медвежьим праздником. Среди утвари имеются глубокие деревянные чаши (РЭМ. Кол. 8761–8005), деревянные долбленные корыта для мяса с ручками, на которых изображены две перевитые змеи как символ плодородия (РЭМ. Кол. 8761–8009), антропоморфная личина (РЭМ. Кол. 8761–8010), земноводные животные (РЭМ. Кол. 8761–8043). Значительное количество берестяной утвари представлено прямоугольными коробками, которые использовались для хранения мяса и рыбы (РЭМ. Кол. 8761–8011, 8012). Некоторые из них были изящно украшены криволинейным орнаментом. Особенно ценными являются изображения на коробе пляшущих человечков, символа солнечных танцев вокруг огня (РЭМ. Кол. 8761–8008) [13, с. 33–44]. На другом коробе имеются изображения трех антропоморфных личин и дерева, символизирующих предков и родовое древо жизни. Этот сюжет связан с культом предков и культом плодородия (РЭМ. Кол. 8761–8014).

Среди мягких женских портфельчиков имеются сумки полуовальной формы с крышками, сшитые из рыбьей шкуры, растительных волокон, белой нерпичьей шкуры (РЭМ. Кол. 8762–18256–18262). На одной из них (РЭМ. Кол. 8762–18260), сшитой из шкуры нерпы, расположен богатый криволинейный зооморфный орнамент в виде четырех фигур медведей и женских фигур, а также фигур тигров с ро-

гами оленя, известных в мифологии центрально-азиатских скифов, корейцев и китайцев [14, с. 229–240]. В средней части расположена розетка из четырех завитков с ромбом в центре – космический символ четырех сторон света.

В начале XX в., судя по коллекциям Б.А. Васильева, уильта шили одежду зимой из шкур оленя и нерпы, летом – из хлопчатобумажной ткани. В коллекции представлена зимняя одежда уильта – шуба из серого меха оленя распашного покроя с двумя клиньями сзади белого цвета (РЭМ. Кол. 8762–18194). Она оторочена полоской нерпичьей шкуры. Таким образом украшение шубы достигается за счет контраста меха. Этот тип одежды имеет аналоги у восточных эвенков. В качестве зимних головных уборов как мужчины, так и женщины уильта носили шапки типа капора, сшитые из нерпы и украшенные спиральным орнаментом (РЭМ. Кол. 8762–18201). Их оторачивали лисьим и собачьим мехом. Мужские капоры также шили из оленьего меха белого цвета и также оторачивали мехом лисы или собаки (РЭМ. Кол. 8762–18202). В собрании Б.А. Васильева имеется обувь сапоговидного покроя, которая сшита из белого оленьего камыса, нерпы или хлопчатобумажной ткани (РЭМ. Кол. 8762–18208, 18210, 18211). Летняя женская одежда, имеющаяся в коллекции, представляет собой платье из серого ситца прямого покроя с отрезным лифом со сборками и широкой в сборку юбкой, сшитых вместе (РЭМ. Кол. 8762–18198). В составе нательной одежды уильта были натазники (мужские и женские) из синей бязи, украшенные разноцветными полосками (РЭМ. Кол. 8762–18203, 18204). Натазники, как часть составной одежды, широко использовались всеми тунгусо-маньчжурами. Женщины в качестве украшения носили серьги в форме знака вопроса с нефритовыми кольцами и бусиной из сердолика, а также медные браслеты (РЭМ. Кол. 8762–18215, 18216). Особое отношение было к нагрудным украшениям. В коллекции Б.А. Васильева имеется женское нагрудное украшение в виде двух полукруглых железных пластин с геометрическим узором (РЭМ. Кол. 8762–18217). Известно, что у нанайцев и ульчей подобные полулунные нагрудные украшения из серебра использовались как свадебные. Их покупали у китайских купцов и хранили как богатство.

В духовной жизни уильта большую роль играл культ воды и медвежий праздник. Хозяина моря в виде касатки особо почитали [4, с. 19]. Два раза в год весной и осенью ему посылали

жертвоприношения на специальных ритуальных блюдах. В его честь устраивали гонки на лодках [18, с. 64]. Предметы уильта из коллекции Б.А. Васильева по этой теме близки нивхским и ороческим. Череп нерпы, украшенный стружками илау, возвращали обратно в море с целью получения в дар от моря косяков рыб. Среди ритуальной посуды, связанной с культом воды, в собрании имеется корытце с изображением антропоморфного лица хозяина моря Тэму.

Главной церемонией уильта был медвежий праздник, который проводился по айнско-нивхскому типу с выращиванием медвежонка в неволе в течение трех лет. Для его содержания строили специальную клетку, которая украшалась стружками илау и ветками ели [18, с. 59]. Сущность праздника состояла в ритуальном убиении детеныша зверя, пойманного и выращенного в неволе, устройении ритуального пира с поеданием мяса медведя и ритуальных похорон скелета и черепа медведя на специальном помосте в лесу. Целью праздника было возрождение зверя и получение промысловой удачи сородичами в будущем. При кормлении медведя использовали резные ковши, а при поедании медвежьего мяса на празднике – резные ложки [3, с. 216–238]. Ковш представлял круглую емкость с резной ручкой, на которой иногда вырезали ритуальную скульптуру в виде фигуры медведя (РЭМ. Кол. 8761–8034–8036). На некоторых ковшах была привязана медвежья шерсть, символизирующая плодородие (РЭМ. Кол. 8762–1–8033, 8037). Ручку ковша уравнивала остроконечная горизонтальная плоскость с противоположной стороны ковша. Обычно она орнаментировалась криволинейным узором. На одном из ковшей имелось изображение лягушки (РЭМ. Кол. 8761–9469) как образа земноводного, согласно представлениям тунгусо-маньчжуров, передающего жизненные силы ритуальному предмету. Некоторые блюда для медвежьего праздника имели вид лодочек (РЭМ. Кол. 2079–61–66), часть из которых также обматывалась кольцами из медвежьей кожи. На ложках, используемых для еды во время пира на медвеьем празднике, имелся криволинейный и веревочный орнамент. К ручке иногда крепились фигурки медведя (РЭМ. Кол. 8761–8037).

На ритуальном корытце, которое использовалось на празднике для мяса медведя, имелось резное изображение черепахи и ящерицы с одной стороны ручки и 8-образная фигура двух перевитых змей с другой (РЭМ. Кол. 8761–8043).

Эти земноводные символизировали связь с плодородием и образом земли. Среди культовой скульптуры на медвеьем празднике уильта использовали фигурки медведя, устанавливавшиеся на голову медведю, у которого происходило ритуальное кормление духа медведя и пир. Некоторые фигурки опоясывались куском медвежьей шкуры, подчеркивая символику плодородия с целью его возрождения (РЭМ. Кол. 8761–8047). Аналогичный обычай практиковался на медвеьем празднике у нивхов и айнов. Интересны ритуальные стрелы уильта, с помощью которых участники праздника дразили медведя при его выходе из клетки перед убиением. Такая стрела состояла из конического наконечника, украшенного криволинейным орнаментом, короткими застружками на конце и изображающего птицу, и древка, украшенного волнистой линией и изображающего змею. В целом ритуальная стрела для медвежьего праздника обозначала птице-змея, игравшего важную символическую роль посредника между людьми и миром гор, куда отправлялась душа медведя. Также среди предметов культа, связанных с медвежьим праздником, важное значение имели ритуальные стружки илау, которые прикреплялись к голове медведя и к клетке (РЭМ. Кол. 8762–18277).

Вещи, хранящиеся в коллекции Б.А. Васильева из Тунгусской экспедиции, демонстрируют этнокультурные связи уильта с эвенками и народами Амура и Сахалина (нанайцами, ульчами, орочами, а также нивхами и айнами). Одежда, представленная в собрании Российского этнографического музея, отражает связь уильта с эвенками, а также народами Амура. Предметы культовой практики, связанные с поклонением воде и медвежьим праздником, раскрывают связь с культурой нивхов и орочей, а также айнов.

Таким образом, анализ этнографической коллекции, собранной в 1927–1928 гг. на Сахалине среди уильта, позволяет заключить, что вещный мир этого народа отражает его этнокультурную специфику и в своей семантической значимости предметов характеризует менталитет его представителей как островных рыболовов и оленеводов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурун А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 63–87.

2. Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Кунсткамера: Избранные статьи. Т. 1. СПб.: Европейский Дом, 1995. С. 80–93.
3. Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003.
4. Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков // Этнография. 1929. № 1. С. 3–22.
5. Василевский А.А. Происхождение и родство островных народов Восточной Азии (обзор зарубежной антропологической литературы) // Краеведческий бюллетень. 1995. № 3. С. 143–162.
6. Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1957. № 1. С. 62–87.
7. Историко-этнографический атлас народов Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
8. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 1961.
9. Лысенко О.В. Выставка «Славяне Восточной Европы» как модель концептуальной экспозиции: вещь в музейном и этнокультурном пространствах // Материалы по этнографии. Т. 3. Народы Белоруссии, Украины, Молдавии. СПб., 2010. С. 259–306.
10. Лысенко О.В., Комарова С.В. Ткань. Ритуал. Человек. Традиции ткачества славян Восточной Европы. СПб., 1992.
11. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX века). Новосибирск: Наука, 1984.
12. Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: Большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006.
13. Миссонова Л.И. «Танец огня» как один из главных обрядов жизненного цикла в тунгусо-маньчжурской практике // Музей. Традиции. Этничность. 2014. № 2. С. 33–44.
14. Никитина М.И. Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его «спутники» в ритуальной традиции древней Кореи и соседних народов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
15. Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997.
16. Островский А.Б. Ритуальная скульптура народов Амура и Сахалина. Путеводная нить чисел. СПб.: Нестор-История, 2009.
17. Островский А.Б. Антропология мышления. Избранные статьи 1990–2016 гг. СПб.: Нестор-История, 2019.
18. Пилсудский Б.О. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г. Южно-Сахалинск: Институт морской геологии и геофизики, 1989.
19. Прокофьев М.М., Черпакова К.Я. Предметы традиционной культуры уйльта и эвенков из собрания Сахалинского областного краеведческого музея // Культурное наследие народов Дальнего Востока России. Сахалинская область. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2009. С. 143–184.
20. Роон Т.П. Уйльта Сахалина. Историко-этнографические исследования традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – сер. XX веков. Южно-Сахалинск, 1996.
21. Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон. (семантика образов и этнокультурные связи). Историко-этнографические очерки. СПб., 2015.
22. Сем Т.Ю. Мифология в орнаментике ороочонов: символика и семантика образов // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 2. С. 41–49.
23. Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектический орокско-русский словарь. Владивосток: Дальнаука, 2011.
24. Художественная обработка меха и кожи у народностей Крайнего Северо-Востока. Вып. 2. Эвены. Магадан: ОАО «МАОМБИ», 2004.
25. Шавкунов Э.В. Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I–III в. н.э. // Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР им. В.Л. Комарова. Серия историческая. Саранск, 1959. С. 37–74.
26. Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990.
27. Шубина О.А. Этапы заселения древним человеком укрепленного поселения Белокаменная-Часи на Южном Сахалине // Вестник Сахалинского музея. 1996. № 6. С. 227–252.
28. Икегами Дзиро. Уйрута-но кураси-то мингу (Жилище и предметы уйльта). Абасири, 1982.
29. Wada, S., 1938. The natives of the lower reaches of the Amur River as represented in Chinese record. Memoirs of the Research Department of Tokyo Bunko, no. 10, pp. 45–107.

REFERENCES

1. Baiburin, A.K., 1989. Semioticheskie aspekty funktsionirovaniya veshchei [Semiotic aspects of the functioning of items]. In: Etnograficheskoe

izuchenie znakovykh sredstv kul'tury. Leningrad: Nauka, 1989, pp. 63–87. (in Russ.)

2. Baiburin, A.K., 1995. Semioticheskie status veshchei i mifologiya [Semiotic status of items and mythology]. In: *Kunstkamera: Izbrannye stat'i*. T. 1. Sankt-Peterburg: Evropeiskii Dom, 1995, pp. 80–93. (in Russ.)

3. Bereznitskii, S.V., 2003. Etnicheskie komponenty verovaniy i ritualov korennykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona [Ethnic components of rituals and beliefs of Amur and Sakhalin region indigenous peoples]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

4. Vasil'ev, B.A., 1929. Osnovnye cherty etnografii orokov [Main features of the Oroch ethnography], *Etnografiya*, no. 1, pp. 3–22. (in Russ.)

5. Vasilevskii, A.A., 1995. Proiskhozhdenie i rodstvo ostrovnykh narodov Vostochnoi Azii (obzor zarubezhnoi antropologicheskoi literatury) [Origin and relationship of the island peoples of East Asia (review of foreign anthropological literature)], *Kraevedcheskii byulleten'*, no. 3, pp. 143–162. (in Russ.)

6. Vasilevich, G.M. and Levin, M.G., 1957. Tipy olenevodstva i ikh proiskhozhdenie [Types of reindeer husbandry and their origin], *Sovetskaya etnografiya*, no. 1, pp. 62–87. (in Russ.)

7. Levin, M.G. and Potapov, L.P. eds., 1961. *Istoriko-etnograficheskie atlas naroda Sibiri* [Historical and ethnographic atlas of the peoples of Siberia]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)

8. Kyuner, N.V., 1961. Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka [Chinese reports on the peoples of southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

9. Lysenko, O.V., 2010. Vystavka «Slavyane Vostochnoi Evropy» kak model' kontseptual'noi ekspozitsii: veshch' v muzeinom i etnokul'turnom prostranstvakh [«Slavs of Eastern Europe» as a model of conceptual exhibition: item in museum and ethno-cultural spaces]. In: *Materialy po etnografii*. T. 3. Narody Belorussii, Ukrainy, Moldavii. Sankt-Peterburg, 2010, pp. 259–306. (in Russ.)

10. Lysenko, O.V. and Komarova, S.V., 1992. Tkan'. Ritual. Chelovek. Traditsii tkachestva slavyan Vostochnoi Evropy [Fabric. Ritual. Person. Traditions of weaving of Eastern European Slavs]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

11. Mazin, A.I., 1984. Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konets XIX –

nachalo XX veka) [Traditional beliefs and rituals of the Evenks – Orochens (late XIXth – early XXth century)]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

12. Missonova, L.I., 2006. Uil'ta Sakhalina: Bol'shie problemy malochislennogo naroda [The Ulta of Sakhalin: Big problems of small-numbered people]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

13. Missonova, L.I., 2014. «Tanets ognia» kak odin iz glavnykh obryadov zhiznennogo tsikla v tunguso-man'chzhurskoi praktike [«Dance of fire» as one of the main rites of Tunguso-Manchu peoples], *Muzei. Traditsii. Etnichnost'*, no. 2, pp. 33–44. (in Russ.)

14. Nikitina, M.I., 2001. Mif o Zhenshchine-Solntse i ee roditel'yakh i ego «sputniki» v ritual'noi traditsii drevnei Korei i sosednikh narodov [The myth of the Female-Sun and her parents and its «satellites» in the ritual tradition of ancient Korea and neighboring peoples]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (in Russ.)

15. Ostrovskii, A.B., 1997. Mifologiya i verovaniya nivkhov [Mythology and beliefs of the Nivkhs]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (in Russ.)

16. Ostrovskii, A.B., 2009. Ritual'naya skulptura narodov Amura i Sakhalina. Putevodnaya nit' chisel [Ritual sculpture of the peoples of Amur and Sakhalin. The guiding thread of numbers]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.)

17. Ostrovskii, A.B., 2019. Antropologiya myshleniya. Izbrannye stat'i 1990–2016 gg. [Anthropology of thinking. Selected articles, 1990–2016]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.)

18. Pilsudskii, B.O., 1989. Iz poezdki k orokam o. Sakhalina v 1904 g. [From the 1904 trip to the Orochs of Sakhalin]. Yuzhno-Sakhalinsk: Institut morskoi geologii i geofiziki. (in Russ.)

19. Prokof'ev, M.M. and Cherpakova, K.Ya., 2009. Predmety traditsionnoi kul'tury uil'ta i evenkov iz sobraniya Sakhalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Traditional culture items of the Ulta and Evenks from the collection of the Sakhalin Regional Museum]. In: *Kul'turnoe nasledie narodov Dal'nego Vostoka Rossii. Sakhalinskaya oblast'. Uil'ta. Evenki*. Yuzhno-Sakhalinsk: Lukomor'e, 2009, pp. 143–184. (in Russ.)

20. Roon, T.P., 1996. Uil'ta Sakhalina. Istoriko-etnograficheskie issledovaniya traditsionnogo khozyaistva i material'noi kul'tury XVIII – ser. XX vekov [The Ulta of Sakhalin. Historical and ethnographic studies of the traditional economy

and material culture of the XVIIIth – mid-XXth century]. Yuzhno-Sakhalinsk. (in Russ.)

21. Sem, T.Yu., 2015. Kartina mira tungusov: panteon. (semantika obrazov i etnokul'turnye svyazi). Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Tungus worldview: pantheon (semantics of images and ethnocultural ties). Historical and ethnographic essays]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

22. Sem, T.Yu., 2020. Mifologiya v ornamentike orochonov: simbolika i semantika obrazov [Mythology in the ornamentation of the Orochons: the symbolism and semantics of the images], Traditsionnaya kul'tura, Vol. 21, no. 2, pp. 41–49. (in Russ.)

23. Sem, Yu.A., Sem, L.I. and Sem, T.Yu., 2011. Materialy po traditsionnoi kul'ture, fol'kloru i yazyku orokov. Dialekticheskii oroksko-russkii slovar' [Materials on the traditional culture, folklore and language of the Oroks. Dialectical Orok-Russian dictionary]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

24. Khudozhestvennaya obrabotka mekha i kozhi u narodnostei Krainego Severo-Vostoka. Vyp. 2. Eveny [Artistic processing of fur and leather among the peoples of the Far North-East. Issue 2. The Evens]. Magadan: OAO «MAOMBI», 2004. (in Russ.)

25. Shavkunov, E.V., 1959. Primor'e i sosednie s nim raiony Dunbeya i Severnoi Korei v I–III v. n.e. [Primorye and the neighboring regions of Dongbei and North Korea in the 1st – 3rd centuries AD]. In: Trudy Dal'nevostochnogo filiala SO AN SSSR im. V.L. Komarova. Seriya istoricheskaya. Saransk, 1959, pp. 37–74. (in Russ.)

26. Shavkunov, E.V., 1990. Kul'tura chzhurchzhenei-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka [Jurchen-Udige culture of the XII–XIII centuries and the issue of the origin of the Tungus peoples of the Far East]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

27. Shubina, O.A., 1996. Etapy zaseleniya drevnim chelovekom ukreplennogo poseleniya Belokamennaya-Chasi na Yuzhnom Sakhaline [Stages of the settlement of the Belokamennaya-chasi site on the Sakhalin Island], Vestnik Sakhalinskogo muzeya, no. 6, pp. 227–252. (in Russ.)

28. 池上二良, 1982. ウイルタの暮らしと民具 [Orok dwelling and items]. 網走市. (in Japanese)

29. Wada, S., 1938. The natives of the lower reaches of the Amur River as represented in Chinese record. Memoirs of the Research Department of Tokyo Bunko, no. 10, pp. 45–107.

